

Эта статья была написана поэтом Владимиром Козловым для сайта “Просодия” в конце февраля 2022 года. Среди множества резких высказываний, разрывавших тогда социальные сети, она была, кажется, единственным взвешенным высказыванием на тему того, как писатель может существовать в период обострения информационной войны. Может ли он оставаться художником или обязан стать гражданином? Как соотносятся между собой свобода и независимость художника и идеология? Редакции кажется, что статья будет интересна и нашим читателям.

Андрей Тимофеев, редактор отдела критики и публицистики

ВЛАДИМИР КОЗЛОВ

ПОЭЗИЯ КАК ПОЛНАЯ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬ ИДЕОЛОГИИ

Я начал эти заметки задолго до военных действий на территории Украины – событий, которые, без преувеличения, шокировали очень многих внутри России. Изнутри пространства культуры и искусства любое обоснование войны выглядит дико. Но одновременно появляется и другое ощущение: что в понимании ситуации в современном мире, возможно, что-то упущено, раз столь масштабные события могли оказаться неожиданными. И упущено, возможно, именно то, что война идёт давно – она просто меняет фронта.

Я начал эти заметки давно, поскольку уверен, что поэзия, сообщество деятелей культуры сегодня во многом потеряло сопротивляемость идеологии. Оно забыло, почему идеология не должна вообще ассоциироваться с искусством, несмотря на существование сугубо политических течений в современном искусстве. Эти течения потому и возможны, что они исключения. Ситуация резкой идеологической поляризации, которая в одночасье развернулась в конце февраля 2022 года, – возможно, одно из самых ярких выражений тех ситуаций, в которых имеет смысл проговаривать фундаментальные вещи и определяться по отношению к ним.

Может ли поэзия оставаться собой в период, когда идёт война? Или каждый пишущий обязан приравнять перо к штыку? Именно в такие моменты особенно принципиален выбор: быть гражданином или служить искусству? Что это значит вообще – служить искусству? В чём ценность этой позиции, не труслива ли она в ситуации, когда идёт война?

По сути, это продолжение моих субъективных размышлений о назначении поэзии в современном мире. И здесь в заголовок вынесено ещё одно определение поэзии, которое нужно рассматривать как дополнительное к тем пяти определениям поэзии на каждый день, о которых я уже писал (имеются

в виду статьи автора на сайте “Просодия”. – Н. С.). Мне кажется, сегодня поэзия нуждается не столько в новых шедеврах, сколько в переосмыслении собственного назначения. Чем больше работающих, живых определений поэзии в вашей литературной кухне и просто в жизни, тем лучше. Если они работают – значит, у вас каким-то образом получается найти органичное место поэзии в жизни. А если получается, значит, вы каким-то образом выживаете в качестве поэта. А если вы выживаете в качестве поэта, значит, выживает и сама поэзия. Такая вот нехитрая логика мотивирует это продолжение начатой ранее своеобразной методички по выживанию в условной роли поэта.

Выбор гражданина и выбор художника

Для человека, осознающего себя художником, в острые моменты истории характерно попадать в одну и ту же ситуацию, которая в эти дни оказалась растиражирована в социальных сетях. “Нет, ты не юли! – говорят ему, мысленно беря за грудки. – Ты осуждаешь или приветствуешь?”, “Немедленно требую отписаться от меня тех, кто считает, что...” – такими ультиматумами наполнены социальные сети периода войны 2022 года. Примерно на том же уровне терпимость была и в 2014 году. Одни готовы разорвать отношения за неготовность осудить в нужных выражениях, другие – за неготовность в нужных выражениях поддержать. Да, действительно, нужно признать, что гражданин, какой бы стране и эпохе он ни принадлежал, в определённых ситуациях обязан делать выбор. Выбор стороны. И компромисса здесь быть не может. Это так же естественно, как защищать семью, малую и большую Родину. Нужно только учитывать, перед кем гражданин делает этот выбор. Если я разговариваю человеком, который смотрит на мой мир извне, я буду отстаивать свой мир в любой ситуации. С человеком, с которым мы разделяем большую Родину, я могу говорить о внутренних проблемах этой Родины. С тем, с кем могу разделять малую, могу говорить о проблемах малой. С тем, с кем разделяю семью, могу говорить о проблемах семьи. А с Богом я буду обсуждать пути спасения своей грешной души. Вот такая русская матрёшка. Нет ничего глупее, чем не понимать, перед кем ты в данный момент делаешь свой выбор. Так это было всего лишь про выбор, который делает гражданин. Художник делает другой выбор, он не менее сложен. И ни один гражданин не в состоянии удовлетвориться этим выбором.

Его выбор связан с независимостью. Выбирать независимость от граждан, трясущих за грудки, – это и есть служение искусству. Сами эти граждане потом спасибо скажут – если когда-либо осознают, зачем искусство вообще нужно. Очень многие сегодня называют художниками тех, кто очевидным образом отказался от независимости, кто каждый день предьявляет свою принадлежность той или иной стороне. Для меня это нонсенс. Но если подумать, то да, такую штуку, как независимость, не каждый может себе позволить – слишком дорого выходит, ребята могут не понять, нужны компромиссы. И тем не менее я лично предпочитаю не называть художниками тех, кто отказался от независимости и выбрал сторону. Художник, который сдал единственный пяточок, который обеспечивал его уникальную нишу в современном мире, должен проходить по ведомствам разного рода обслуживающего персонала, оснащённого теми или иными навыками: графического дизайнера, “сторителлинга”, “копирайтинга”, пропаганды... Я считаю, что если ты не в состоянии принести в жертву такой способ социализации как выбор стороны, если ты не готов к этим профессиональным рискам, то не надо заниматься искусством, не надо делать вид, что ты занимаешься искусством. Для художника не только не бывает хорошей власти, потому что любая власть хочет его использовать, но и не бывает хорошей стороны, потому что принадлежность к ней обязательно будет иметь следствием либо самоцензуру, либо вырождение в качестве художника, либо предательство. Этот выбор лучше осознавать заранее.

Независимость как условие гуманизма

Я постоянно слышу это от людей искусства: одни признаются, что охотно бы воевали на Донбассе, другие готовы воевать со своим государством. Одни готовы вешать либералов, другие – людей, представляющих систему.

Они торопятся занимать стороны в самых примитивных конфликтах, им важно проявить солидарность с хорошими людьми, которых не интересует реальность, а интересует только одно: мы победим или они? Все эти линии поведения совершенно нормальны для граждан, для живых людей, которые ходят по земле и имеют право на мнение о соседях и работе городского транспорта. Но когда я слышу это от людей искусства, у меня возникает ощущение, что ими потеряно понимание, в чём собственно их роль как людей искусства. А если вы потеряли такое понимание, не надо продолжать называть себя людьми искусства.

Искусство необходимо и интересно как точка независимого от любой прагматики суждения о человеке в мире. Вся прагматика в её бесконечных проявлениях – материал в руках художника, но материал не будет преодолён, если художник не имеет точки зрения вне его. Искусство невозможно без этой точки зрения. Только с этой позиции доступна сложность ситуации, в которой оказался человек. Только с этой позиции видна сложность человеческой природы. Это та точка, в которой художник может позволить себе задаваться именно теми вопросами, которыми надо задаваться, – хотя бы потому, что ими негде больше задаваться. Точно не на политических дебатах и не на свободном рынке. Художник, который добровольно сдаёт позицию внеаходимой независимости, сразу же начинает выглядеть не очень умным обывателем, голос которого будут использовать в целях, которые он слабо понимает. Он выглядит котёнком в чужой игре. Любой имеет право так выглядеть. Художник тоже человек. Но в этом смысле – когда он гражданин, он не художник.

Потому что позиция художника гуманна в силу своего интереса к человеку, в силу стремления понять то, что мало кто понимает, и в то же время не видит в этом обстоятельстве проблемы. Поэтому художник не может оправдывать убийство ни при каких обстоятельствах. А оправдание убийства человека человеком – это меньшее, что готов делать любой представитель партии войны. Они всегда знают, кого надо убить, чтобы решить свои проблемы. Они нас убеждают, что все русские писатели кого-нибудь убивали, что это нормально, это такая традиция у нас.

Партия войны работает исключительно на воспроизводство войны. Итог войны не победа, а война. И это не война между бедными и богатыми, между голодными и сытыми, между бесправными и правителями, между униженными, забитыми и сильными, самодовольными – это всегда война сильных, сытых, самодовольных за право в полной мере несправедливо распоряжаться судьбами всех остальных. И когда я вижу деятеля искусства, который занимает сторону в этой войне, я понимаю о нём только одно: что ему очень хочется быть на стороне сильных и здоровых, которые в любом случае будут жизнями бедных и больных оплачивать свои заблуждения и капризы. Мне кажется, что занимать такую сторону и называть себя при этом деятелем искусства – лицемерие. Возможно, мы все уже настолько привыкли к распространению лицемерия в современной “фейковой” медиасреде, что именно это лицемерие не кажется нам самым лицемерным. Наверное, это действительно так.

Ответственность художника

Сопротивляемость идеологии в сообществе деятелей искусства сегодня близка к нулю. Можно попытаться подумать, почему. Возможно, не на что опереться: никакой своей большой идеи внутри искусства не осталось, вернее, никто не хочет верить ни в какие большие идеи, связанные с искусством; по этой причине прислоняться приходится к конструкциям попроще и понадёжнее, тем более что мы же как бы художники не 24 часа в сутки. Но эти надёжные конструкции заменяют гуманизм искусства антигуманизмом идеологии, отдают его на съедение механизмам насилия, которые управляют большей частью обыкновенного человеческого мозга. Эти конструкции нам говорят, что в многообразии форм насилия, которые над нами совершаются, у нас есть выбор – и это единственный выбор, который у нас есть. Так совершается подмена настоящего выбора, который должен совершить художник.

Художник должен быть сосредоточен на решении вопроса о человеке. Художник моделирует человека будущего. Субъекта, перед которым отвечает, в реальности не существует, он только должен появиться – в результате знакомства с произведением искусства. Художник берёт обывателя и корректирует

систему координат в его сознании. Открывал книгу один человек, а закрыл её другой. Таков результат соприкосновения с художественным образом. Произведение — явление иной, далёкой от идеологии природы. Художественная реальность, живущая своей жизнью. В ней есть всё для того, чтобы она разрасталась в нашем сознании, вбирала явления жизни, которые, казалось бы, лежат далеко за её пределами, и, в конечном счёте, влияла на способности нашего сознания в принципе.

Образ — форма органической жизни в неорганическом мире. И в то же время задайте вопрос: что автор хотел сказать художественным образом? Мне кажется, единственным адекватным ответом на этот вопрос был бы ответ: всё, он хотел сказать им всё. Именно художник работает на таком уровне, на котором невозможно почти ничего сказать, кроме как всё. Как он может принять чью-либо сторону, если он собирается говорить о том, как может быть устроен мир? Образ — это самая сложная для постижения штука, потому что это уже органика, даже в некотором смысле жизнь. Художник, который не понимает природы образа, не понимает своей ответственности за ненарушение его природы, он не только не способен создать образ — более того, он занимается подлогом: выдаёт за образ агитку, пользуясь тем, что многие не увидят разницы, он дурит народ, дурит “малых сих”, которые на него надеялись, но, возможно, не знали этого.

Кажется, именно в такие времена, как сегодня, становится очевидным, что только искусство в состоянии думать о человеке, переживать его драмы и трагедии независимо от его идейных, национальных и иных принадлежностей. Именно в периоды таких потрясений важно, чтобы художник не изменил своей природе под тем или иным давлением, чтобы он продолжал то своё дело, которое, кроме него, в этом мире сделать никому. Осознание художником своей миссии — своего рода присяга или клятва Гиппократа, только приходиться сегодня к её принятию приходится поодиночке. Ну ничего, всем сейчас трудно.